
СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

ЭВОЛЮЦИЯ НЕНАСИЛИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Интервью с американским психологом Стивеном Пинкером

В этой рубрике ИПСИ неоднократно обсуждалась историческая динамика социального насилия, приводились расчеты и прочие аргументы, показывающие, что в длительной временной ретроспективе с ростом убойной мощи оружия и плотности населения уровень физического насилия нелинейно, но последовательно и закономерно сокращался. Анализировались культурно-психологические механизмы, обусловившие эту парадоксальную тенденцию, а также психологические факторы, стимулирующие распространенную иллюзию растущего в обществе насилия.

Тот же комплекс проблем исследует в последние годы знаменитый американский психолог профессор Гарвардского университета Стивен Пинкер (Steven Pinker). В сентябре 2011 года в издательстве Penguin Books вышла в свет его книга «The Better Angels of Our Nature. The Decline of Violence in History and Its Causes» («Лучшие ангелы природы. Сокращение насилия в истории и его причины»).

Автор любезно согласился ответить на несколько наших вопросов.

– На чем основан Ваш вывод о том, что уровень насилия в современных обществах значительно ниже, чем в прежние исторические эпохи? Идет ли речь о социальном насилии вообще или только о физическом насилии?

– В книге исследуется физическое насилие: убийства, изнасилования, разбой, грабеж, похищение детей, совершаемые отдельными людьми, организованными группами или государствами.

В последнем случае речь идет о войнах, казнях, спровоцированном голоде и т. д. «Метафорическое», «вербальное» или «структурное» насилие не затрагивается по той же причине, по какой книга об онкологических болезнях не предполагает обсуждение аллегорий, связанных с раком, – иначе исследование стало бы бессвязным. Смешивать, скажем, экономическое неравенство с насилием и геноцидом – значит подменить понимание морализаторством. Моралисты запутывают вопрос, относя к сфере *насилия* низкие зарплаты, подрыв культурных традиций, загрязнение среды и пр. Все это, конечно, плохо, но невозможно написать внятную книгу про «все плохое».

– Российские антропологи для сравнительной оценки уровней физического насилия используют такой кросскультурный показатель, как коэффициент кровопролитности – отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения. Какой количественный показатель используется в США?

– Обычно уровень убийств выражается их числом на 100 тыс. человек в год, что математически эквивалентно указанному коэффициенту. При сравнении исторических эпизодов типа Второй мировой войны, падения Рима и работорговли в Америке, в которых уровень насилия и продолжительность событий сопоставимы, я делю число убийств на количество населения мира в разгар событий.

– Является ли снижение уровня социального (физического?) насилия общеисторической тенденцией или это исключительная особенность современной эпохи?

– Это долгосрочная тенденция, но, я думаю, она ускоряется. Я рассматриваю фазы сокращения насилия, такие как переход от вражды между первобытными племенами к оседлым обществам и государствам, длившийся тысячелетия. Снижение уровня убийств в государственных образованиях, отказ от варварской практики рабства и казни на кострах происходили на протяжении столетий. Войны между государствами ограничивались на протяжении десятилетий. А движение за гражданские права или недавняя кампания в США против детского насилия во дворах развиваются в считанные годы.

– Какими психологическими механизмами Вы объясняете широко распространенное (даже среди ученых) убеждение, будто насилие в современном обществе как никогда велико?

– Прежде всего человек невольно оценивает вероятность события по тому, насколько легко он может вспомнить примеры (психологи Амос Тверски и Даниэль Канеман назвали это «эвристической доступностью»), а сцены кровопролития чаще доносятся до нас СМИ и всплывают в памяти, чем случаи смерти от старости. Как бы ни был низок процент насильственных смертей, их всегда будет достаточно, чтобы заполнить выпуски вечерних новостей, а потому впечатление о насилии никак не связано с его реальным уровнем.

Кроме того, чувство опасности искажается нашими моральными ценностями. Никого не побудишь к действиям, объявив, что дела улучшаются, и хорошие новости часто замалчиваются, чтобы не плодить самодовольство. К тому же в нашей интеллектуальной культуре не принято признавать какие-либо достоинства за цивилизацией, современностью и западным обществом.

Но, возможно, главный источник иллюзии вездесущего насилия – тот же, который в действительности способствует снижению его уровня. Ограничению насилия сопутствовало устранение психологических установок, связанных с восхвалением насилия, причем часто первично как раз изменение установок. По сравнению с массовыми зверствами, изобилующими в истории, убийство, случившееся в Техасе, или терроризирование хулиганами представителя этнического меньшинства можно было бы считать незначительными событиями. Но сегодня мы легче замечаем то, как низко может пасть человек, нежели то, насколько повысились наши стандарты.

– *Сталкивались ли Вы с упреками в «политической некорректности», излагая свои кросскультурные наблюдения?*

– Да, причем нападки исходят как с левого, так и с правого политических флангов. В нашей культуре не принято признавать, что современная западная цивилизация несет с собой что-либо положительное. Левым не нравится утверждение, что свободный рынок, глобализация и культура коммерческих связей укрепляют мир. А правым не нравится утверждение, что религия часто становится источником насилия...